

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА И ИНФЛЯЦИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ: АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

д.э.н., проф. **Усманов Анвар**

Научно-исследовательский центр

«Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана»
при Ташкентском государственном экономическом университете,

Ташкентский филиал Российского экономического
университета имени Георгия Валентиновича Плеханова

ORCID: 0000-0002-2502-9657

a.usmanov@tsue.uz

PhD **Абдулазизова Уғилой**

Научно-исследовательский центр

«Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана»
при Ташкентском государственном экономическом университете,

Ташкентский государственный экономический университет

ORCID: 0000-0003-0105-2614

u.abdulazizova@tsue.uz

Аннотация. Исследования показывают, что теневая экономика – совокупность неучтенных доходов, неформальной занятости и нерегулируемых сделок – подрывает эффективность фискальной и монетарной политики и искажает макроэкономические показатели. Цель статьи – проанализировать динамику ключевых макроэкономических индикаторов, отражающих инфляцию и состояние теневой экономики в Узбекистане, а также выявить возможные взаимосвязи между ними.

Ключевые слова: инфляция, теневая экономика, неформальная экономика.

ЎЗБЕКИСТОНДА ЯШИРИН ИҚТИСОДИЁТ ВА ИНФЛЯЦИЯ: МАКРОИҚТИСОДИЙ ТЕНДЕНЦИЯЛАРНИНГ ЎЗARO БОҒЛИҚЛИГИ ТАҲЛИЛИ

и.ф.д., проф. **Усманов Анвар**

Тошкент давлат иқтисодиёт университети ҳузуридаги

“Ўзбекистон иқтисодиётини ривожлантиришнинг
илмий асослари ва муаммолари” илмий-тадқиқот маркази,

Георгий Валентинович Плеханов номидаги

Россия иқтисодиёт университети Тошкент филиали

PhD **Абдулазизова Ўғилой**

Тошкент давлат иқтисодиёт университети ҳузуридаги

“Ўзбекистон иқтисодиётини ривожлантиришнинг
илмий асослари ва муаммолари” илмий-тадқиқот маркази,

Тошкент давлат иқтисодиёт университети

Аннотация. Тадқиқотлар шуни кўрсатадики, яширин иқтисодиёт қайд этилмаган даромадлар, норасмий бандлик ва тартибга солинмаган операциялар йиғиндисидир бўлиб, солиқ-бюджет ва пул-кредит сиёсати самарадорлигини пасайтиради ва макроиқтисодий кўрсаткичларни тубдан ўзгартиради. Ушбу мақоланинг мақсади Ўзбекистонда инфляция ва яширин иқтисодиётнинг ҳолатини ақс эттирувчи асосий макроиқтисодий кўрсаткичлар динамикасини таҳлил қилиш ва улар ўртасидаги мумкин бўлган муносабатларни аниқлашдан иборат.

Калит сўзлар: инфляция, яширин иқтисодиёт, норасмий иқтисодиёт.

SHADOW ECONOMY AND INFLATION IN UZBEKISTAN: ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP OF MACROECONOMIC TRENDS

DSc, prof. Usmanov Anvar

*Scientific Research Center "Scientific Foundations and Problems
of the Development of the Economy of Uzbekistan"
under Tashkent State University of Economics,
Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics*

PhD Abdulazizova Ugiloy

*Scientific Research Center "Scientific Foundations and Problems
of the Development of the Economy of Uzbekistan"
under Tashkent State University of Economics,
Tashkent State University of Economics*

Abstract. Research shows that the shadow economy is a collection of unrecorded income, informal employment, and unregulated transactions and it undermines the effectiveness of fiscal and monetary policies and distorts macroeconomic indicators. The purpose of this article is to analyze the dynamics of key macroeconomic indicators reflecting inflation and the state of the shadow economy in Uzbekistan, and to identify possible relationships between them.

Keywords: inflation, shadow economy, informal economy.

Введение.

В условиях глобальных структурных изменений экономик стран, обострившихся в постпандемический период, устойчивость национальных экономик приобретает всё большее значение. Одним из ключевых явлений, дестабилизирующих экономическую среду, является инфляция - совсем не новый феномен, однако являющийся одним из центральных макроэкономических проблем для многих стран мира, как развивающихся, так и экономически развитых. Сложность в изучении инфляционных процессов заключается в определении ключевых факторов их причин возникновения и дальнейшего роста. В этой связи особое внимание научного сообщества обращается к малоизученным, но глубоко укоренённым структурным факторам инфляции, среди которых ведущее место занимает теневая экономика как явление, искажающее параметры совокупного спроса и предложения, а также денежного обращения.

В контексте реализуемых в Узбекистане социально-экономических реформ особое значение приобретает комплексный анализ источников инфляции, в том числе с учётом параметров теневой экономики. В частности, в Стратегии развития «Узбекистан – 2030», одобренной Указом Президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 года № УП–158, отмечается 45-цель “Повышение до 2030 года объема экономики в 2 раза...”, которую должны достигнуть посредством “...обеспечения годового уровня инфляции 5-6 процентов...” , “...обеспечения фискальной стабильности ... путем сокращения “теневой экономики””. Всё вышесказанное доказывает актуальность выбранной темы исследования данной статьи.

Цель статьи — проанализировать динамику ключевых макроэкономических индикаторов, отражающих инфляцию и состояние теневой экономики в Узбекистане, а также выявить возможные взаимосвязи между ними. Для достижения данной цели, мы поставили перед собой выполнение нижеследующих задач:

- исследовать динамику и дать оценку изменениям дефлятора ВВП, индекса потребительских цен (ИПЦ) и уровня инфляционных ожиданий;
- оценить объём неформальной и теневой экономики и сравнить долю теневой экономики и значения дефлятора ВВП в Узбекистане с аналогичными показателями стран с переходной экономикой;
- сопоставить социально-экономические индикаторы и оценить их взаимосвязь с размером теневой экономики;
- сформулировать рекомендации по снижению инфляционного давления при сохраняющейся значительной доли теневого сектора в структуре национальной экономики.

Обзор литературы.

Инфляция представляет собой результат сложного взаимодействия множества факторов разного происхождения. В учебнике по макроэкономике Матвеевой (2017) отмечается, что «основной причиной инфляции является избыточный совокупный спрос на товарном рынке, что может быть результатом либо увеличения совокупного спроса при неизменном совокупном предложении, либо сокращения совокупного предложения при неизменном совокупном спросе», что отражает кейнсианский подход к выявлению природы инфляции.

Монетаристская школа, возглавляемая Фридманом (2008), постулирует, что инфляция представляет собой исключительно монетарное явление, и в доказательство приводят количественную теорию денег. Основной причиной инфляции считается устойчивое превышение темпов роста денежной массы над темпами роста реального ВВП.

Kinlaw, Kritzman, Metcalfe & Turkington (2023) определяют восемь экономических переменных, которые разделены на пять категорий: рост издержек (цены производителей), рост спроса (заработная плата, личное потребление), инфляционные ожидания, денежно-кредитная политика (процентные ставки, кривая доходности, денежная масса) и фискальная политика (федеральные расходы).

Mohanty & John (2015) используя эконометрическое моделирование индикаторов в Индии, отмечают «стандартные детерминанты инфляции, а именно: цены на сырую нефть, разрыв выпуска, фискальная политика, денежно-кредитная политика и внутренняя устойчивость инфляции».

В статье Deniz, Tekce & Yilmaz (2016) с использованием статического и динамического анализа панельных данных использованы такие детерминанты инфляции, как реальный эффективный обменный курс, разрыв выпуска, сальдо бюджета как отношение ВВП, рост ВВП, рост денежной массы и реальная минимальная заработная плата.

В работе казахстанских учёных Ybrayev, Shamar & Mamatova (2024) выделено четыре ключевые группы факторов инфляции. Это – внутренние факторы (совокупный спрос и производственный разрыв, монетарная и фискальная политика, тарифы и государственное субсидирование), инфляционные ожидания (корректировки на рынке труда, монетарная и фискальная политика, инфляционная инерция), обменный курс (ожидания на валютном рынке, монетарная и фискальная политика, сальдо текущего счёта к ВВП) и внешние шоки (цены на нефть и внешний спрос).

Стоит отметить, что в изученной нами литературе, нами не было выявлено выделение теневой экономики как причины инфляции, а скорее, как искажающий

фактор статистической отчетности. Однако, до тех пор, пока теневая экономика количественно точно не рассчитана, мы можем предполагать, что эмиссия денег превышает потребности только формального сектора экономики, что приводит к расхождению между реальным и официально измеряемым денежным спросом. Это, в свою очередь, создает ложную картину избыточной ликвидности, усиливает инфляционное давление и затрудняет проведение эффективной монетарной политики, основанной на некорректных макроэкономических индикаторах.

Методология исследования.

В статье использовались следующие методы исследований: метод абстракции, логический метод, анализ и синтез, нормативный подход и сравнительный анализ.

Анализ и обсуждение результатов.

Говоря об инфляции, отметим, что это устойчивая тенденция к повышению общего уровня цен и выражает долговременный процесс снижения покупательной способности денег. Это макроэкономический показатель, на который ориентируется как предприниматели, так и инвесторы. Инфляция, как и безработица, выступает формой проявления макроэкономической нестабильности. В результате экономика сталкивается с нарушением равновесия на товарном и денежном рынках, которые можно описать, опираясь на количественную теорию денег, следующими формулами:

$$M\uparrow, Q = \text{const} \Rightarrow P\uparrow \quad (1)$$

$$Q\downarrow, M = \text{const} \Rightarrow P\uparrow \quad (2)$$

Данные формулы отражают механизмы инфляции спроса (1) и инфляции издержек (2). Помимо данных причин, выделяют эндогенные (дефицит госбюджета и его финансирование за счет эмиссии денежных средств, монополизации рынка и др.) и экзогенные (рост цен на мировых рынках, экономические кризисы в других странах, валютные колебания и др.) причины инфляции.

Общеизвестно, что статистические органы предоставляют разные показатели инфляции, рассчитанные такими индексами как индексы Ласпейреса и Пааше. Если проследить за тенденциями изменения дефлятора ВВП, то можно отметить, что за с 2020 года по 2024 год значения дефлятора ВВП в Узбекистане находились в диапазоне от 110,9% до 117,3%, что свидетельствует о стабильно выраженном инфляционном давлении на уровне всей экономической системы (см. рис. 1).

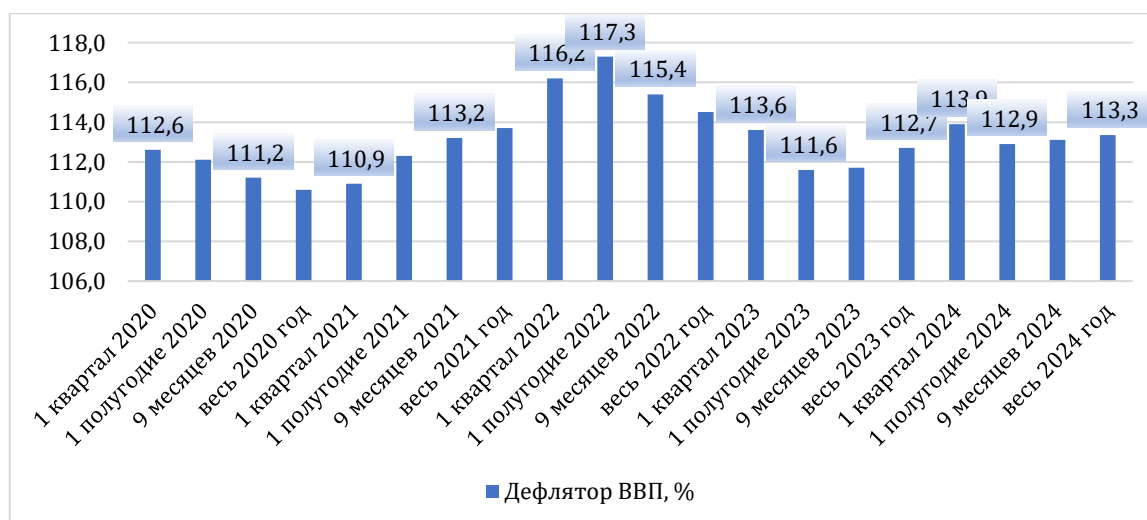

Рисунок 1. Динамика изменения дефлятора ВВП в Узбекистане за 2020-2024гг. (%)

Источник: составлено авторами на основе данных Статистического бюллетеня Центрального банка Республики Узбекистан.

Сохраняющаяся тенденция динамики дефлятора наталкивают нас на мысль, что среди инфляционных факторов немаловажную роль играют именно факторы неценового характера, включая институциональные причины, в том числе и масштабы теневой экономики.

Анализ динамики потребительской инфляции (ИПЦ) в Узбекистане за 2020–2024 годы демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению, при этом уровень ИПЦ по отношению к соответствующему периоду предыдущего года снизился с 14,3% в январе 2020 года до 9,8% в декабре 2024 года (см. рис.2). Параллельно с фактической инфляцией, инфляционные ожидания как со стороны населения, так и субъектов предпринимательства также демонстрируют нисходящий тренд: инфляционные ожидания населения снизились с 15,6% в январе 2020 года до 14,4% в декабре 2024 года, а ожидания бизнеса — с 16,4% до 13,9% соответственно.

Наблюдаемая разность между инфляцией и инфляционными ожиданиями может быть интерпретирована как сигнал о наличии недостаточной прозрачности механизмов ценообразования и влиянии неденежных факторов, включая теневую экономику, институциональные и поведенческие искажения. Особенно показателен период 2022 года, когда фактическая инфляция ускорилась до 12,3%, сопровождаясь резким всплеском инфляционных ожиданий, что, возможно, отражает влияние внешних ценовых шоков и внутреннего спроса, формируемого в неформальном секторе.

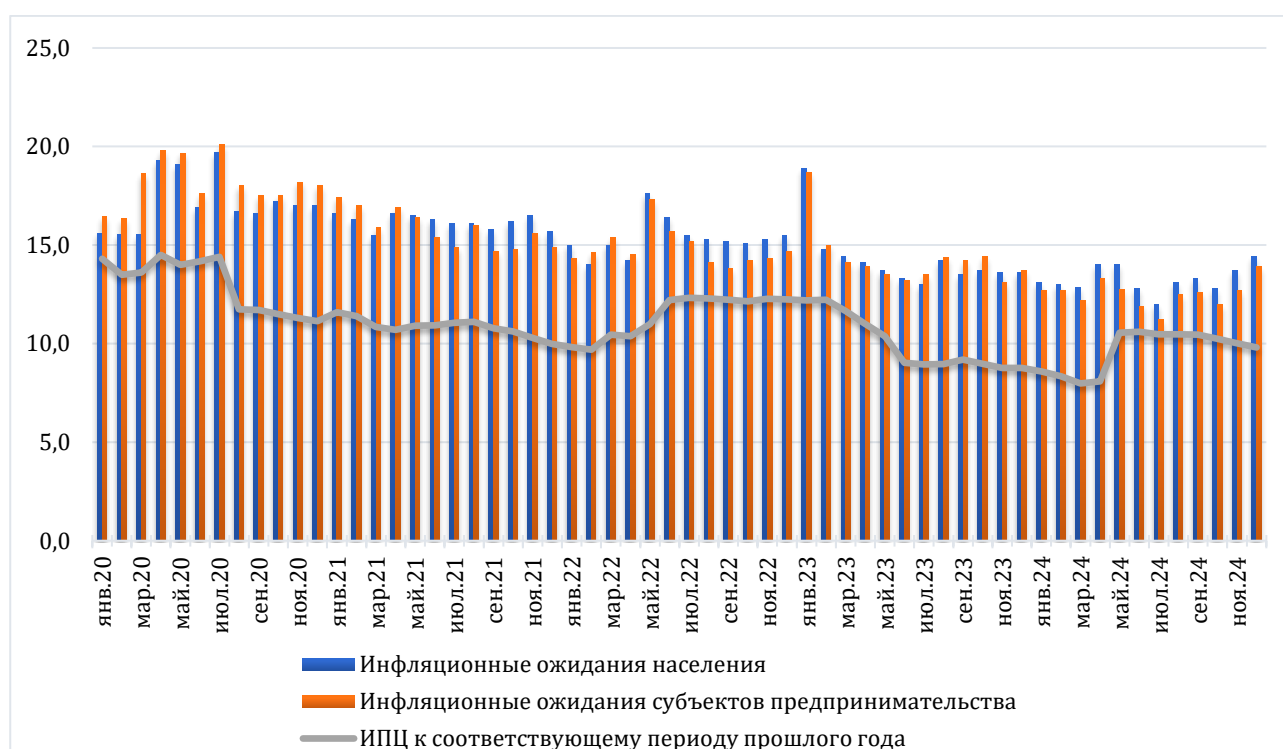

Рисунок 2. Динамика ИПЦ и инфляционных ожиданий в Узбекистане за 2020–2024гг., в %

Источник: составлено авторами на основе данных Статистического бюллетеня Центрального банка Республики Узбекистан.

В наших исследованиях мы отмечаем, что основными инфляционными факторами для Узбекистана являются ставка рефинансирования, наличие вторичного рынка ценных бумаг, установление обменного курса при валютном регулировании (Усманов & Абдулазизова, 2022).

В дополнение к нашим предыдущим исследованиям, на основе эмпирико-логического анализа мы пришли к выводу, что теневая экономика играет, если не

первостепенную, то, безусловно, значимую роль в формировании инфляционных процессов.

Но сперва, считаем необходимым конкретизировать термин «теневая экономика». Так, Авдийский (2019) объясняет данную категорию как деятельность субъектов экономики, которая развивается вне государственного учета и контроля. При этом выделяется два основных признака теневой экономики: это – противоправная деятельность в целях получения неконтролируемого дохода; получение дополнительного дохода, который полностью или частично выведен из-под фискального контроля. Однако статистические органы выделяют термины «ненаблюдаемая экономика», «неформальная экономика», «теневая экономика» и «незаконная экономика» (lib.stat.uz, 2024). Основные показатели неформальной и теневой экономики приведены в таблице 1.

Таблица 1

Объем неформальной и теневой экономики Узбекистана за 2017-2024гг.,
млрд.сум

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Объем неформальной экономики	134788,6	162631,7	185205	206868,1	243544,9	271275,8	320201,7	383643,7
<i>Из них</i>								
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	62048,4	80262,7	88550,4	100736	118850,1	129895,6	152703,7	169526,7
Промышленность	11138,8	10809,2	13772,9	13904,8	12422,7	11760,8	14510	18665,5
Услуги	52210,2	60382,8	69501	76544,5	92532,9	107006,9	126425,1	165136,8
Строительство	9391,3	11177	13380,8	15682,8	19739,2	22612,5	26562,9	30314,7
Объем теневой экономики	25936,7	34042,5	46157,5	46309,4	62842	77529,3	98703,7	122006,5
<i>Из них</i>								
Промышленность	3070,7	4925,1	6219,4	7020,1	11011,9	10433,5	11703	14072,3
Услуги	19908,1	24012,8	32128,1	32777,7	44058,1	59956,8	79004,9	98281,8
Строительство	2957,9	5104,6	7810	6511,6	7772	7139	7995,8	9652,4
Общий объем неформальной и теневой экономики	160725,3	196674,2	231362,5	253177,5	306386,9	348805,1	418905,3	505650,1
Доля неформальной и теневой экономики в ВВП, в %	45,1	41,5	38,9	37,9	37,3	35	34,8	34,8
Темп роста объемов неформальной и теневой экономики, в % *	-	122,4	117,6	109,4	121,0	113,9	120,1	120,7

Источник: составлено по официальным данным ИИС Статистика (siat.stat.uz).

*рассчитано автором

Анализ данных таблицы 1 демонстрирует устойчивый рост совокупного объема неформальной и теневой экономики в Узбекистане за 2017–2024 гг. Если в 2017 году общий объем составлял 160,7 трлн сум, то к 2024 году он увеличился более чем в 3,1 раза, достигнув 505,7 трлн сум. Среднегодовой темп роста за анализируемый период составляет порядка 115,5%, при этом в 2018 году был отмечен наивысший темп роста

за рассматриваемый период, составив 122,4%, и в 2020 году – наименьший темп роста объемов неформальной и теневой экономики в размере 109,4%.

Разделяя структуру на неформальную и теневую части, можно отметить, что объем неформальной экономики увеличился с 134,8 трлн сум в 2017 году до 383,6 трлн сум в 2024 году, что соответствует росту в 2,85 раза. Объем теневой экономики, относящийся к скрытым и зачастую нелегальным операциям, вырос с 25,9 трлн сум до 122,0 трлн сум, что более чем в 4,7 раза.

По видам экономической деятельности основную долю в неформальном секторе традиционно занимает сельское, лесное и рыбное хозяйство, на которое в 2024 году приходится 169,5 трлн сум, или примерно 44,2% всего объема неформальной экономики. Вторым по значимости сегментом остаётся сфера услуг, объем которой увеличился с 52,2 трлн сум в 2017 году до 165,1 трлн сум в 2024 году, то есть более чем в 3,16 раза. Доля промышленности в неформальной экономике остаётся сравнительно небольшой, однако также демонстрирует рост с 11,1 трлн сум до 18,7 трлн сум за рассматриваемый период. Сегмент строительства увеличился с 9,4 трлн сум до 30,3 трлн сум, показав рост более чем в 3,2 раза.

Внутри теневой экономики преобладает сектор услуг, на который в 2024 году приходится 98,3 трлн сум, или 80,6% объема теневого сектора. Сектор промышленности в структуре теневой экономики составляет 11,5% (2024 г.) и демонстрирует рост с 3,1 трлн сум до 14,1 трлн сум. Сектор строительства стабильно занимает долю около 7–9%, его объем вырос с 3,0 трлн сум в 2017 году до 9,7 трлн сум в 2024 году.

Несмотря на абсолютный рост объемов, наблюдается снижение доли неформальной и теневой экономики в ВВП с 45,1% в 2017 году до 34,8% в 2024 году. Это объясняется более высокими темпами роста официального сектора экономики за анализируемый период благодаря структурным реформам, цифровизации налогового администрирования, усилению фискального контроля и улучшению делового климата.

Тем не менее, сохранение значительной доли (более одной трети) свидетельствует о системных институциональных барьерах, включая высокий уровень регулирования, коррупции, избыточные транзакционные издержки и ограниченный доступ малого бизнеса к финансированию.

Schneider, Friedrich (2017) приводит основные показатели, определяющие теневую экономику:

- Налоговая нагрузка;
- Уровень коррупции;
- Чрезмерное регулирование;
- Налоговая мораль;
- Развитие официальной экономики (при прочих равных условиях);
- Самозанятость (при прочих равных условиях);
- Уровень безработицы (при прочих равных условиях);
- Размер сельского хозяйства (при прочих равных условиях);
- Использование наличных денег (при прочих равных условиях);
- ВВП на душу населения (при прочих равных условиях).

Исходя из вышеизложенного, нами были систематизированы показатели, которые определяют теневую экономику (см.табл.2).

По данным таблицы 2 индекс восприятия коррупции остается на уровне 26-33 пунктов, что расценивается как низкий уровень по международным стандартам. Темпы роста ВВП в 2020–2024 гг. остаются устойчиво высокими, колеблясь в диапазоне от 6% до 8% в год. Экономический рост, как правило, оказывает двойное влияние на теневую экономику. С одной стороны, рост доходов стимулирует спрос в официальном секторе, с другой — активизация экономической деятельности увеличивает объем операций как в формальной, так и в неформальной части экономики.

ВВП на душу населения за рассматриваемый период почти удвоилось — с 19,5 млн сум в 2020 году до 39,1 млн сум в 2024 году, что отражает существенное номинальное увеличение благосостояния, но одновременно сопровождается ростом спроса, включая спрос на неформальные услуги и товары.

Таблица 2.

**Основные показатели, определяющие теневую экономику
(по исследования 2017г. Schneider и Friedrich) в Узбекистане**

	2020	2021	2022	2023	2024
Уровень коррупции*	26	28	31	33	32
Темп роста ВВП, %	101,6	108,0	106,0	106,3	106,5
ВВП на душу населения, млн.сум	19,5	23,5	27,9	33,1	39,1
Налоговое бремя (отношение налоговых поступлений к ВВП), %	18,7	18,8	17,9	16,5	14,8
Численность самозанятых, чел.	561 718	1 210 849	1 604 825	2 533 905	-
Уровень безработицы, %	10,5	9,6	8,9	6,8	5,5
Доля сельского хозяйства в отраслевой структуре ВВП, %	24,1	23,6	22,3	21,2	19,2

*Corruption Perceptions Index измеряет уровень воспринимаемой коррупции в государственном секторе, используя шкалу от 0 до 100, где 0 означает очень высокий, а 100 - очень низкий уровень воспринимаемой коррупции. [transparency.org](https://www.transparency.org) (n.d.).

Источник: составлено по официальным данным ИИС Статистика (siat.stat.uz).

Одним из наиболее значимых факторов, влияющих на масштабы теневой экономики, является уровень налогового бремени. В Узбекистане наблюдается устойчивая тенденция к снижению этого показателя — с 18,7% ВВП в 2020 году до 14,8% в 2024 году. Снижение налогового давления, с одной стороны, направлено на стимулирование деловой активности и легализацию доходов. С другой стороны, снижение налогового бремени не сопровождалось аналогичным сокращением теневого сектора (см. табл.1), что указывает на наличие дополнительных институциональных барьеров и факторов ухода в тень, не связанных непосредственно с налогообложением.

Численность зарегистрированных самозанятых показывает значительный рост: с 561,7 тыс. человек в 2020 году до 2,53 млн человек в 2023 году. Уменьшение уровня безработицы с 10,5% в 2020 году до 5,5% в 2024 году также отражает рост экономической активности, при этом часть сокращения безработицы обусловлена переходом в статус самозанятых.

Снижение доли сельского хозяйства в ВВП с 24,1% до 19,2% за 2020–2024 годы указывает на продолжающуюся структурную трансформацию экономики в сторону индустриализации и расширения сектора услуг. Поскольку сельское хозяйство традиционно характеризуется высокой долей неформальной занятости, снижение его доли потенциально способствует сокращению масштабов неформального сектора. Однако это влияние нивелируется увеличением неформальной деятельности в секторе услуг и строительстве, что подтверждается динамикой соответствующих показателей (см.табл.1).

Изучение динамики денежных агрегатов в Узбекистане за 2020–2024 гг. позволяет выявить существенные изменения в структуре денежного обращения, что имеет прямое влияние на инфляционные процессы и масштабы теневой экономики (см.рис.3). За анализируемый период денежная масса в широком определении (M2) продемонстрировала устойчивую тенденцию к росту. Если в январе 2020 года объем M2

составлял 95,2 трлн сум, то к декабрю 2024 года он увеличился до 262,6 трлн сум, то есть практически в 2,76 раза.

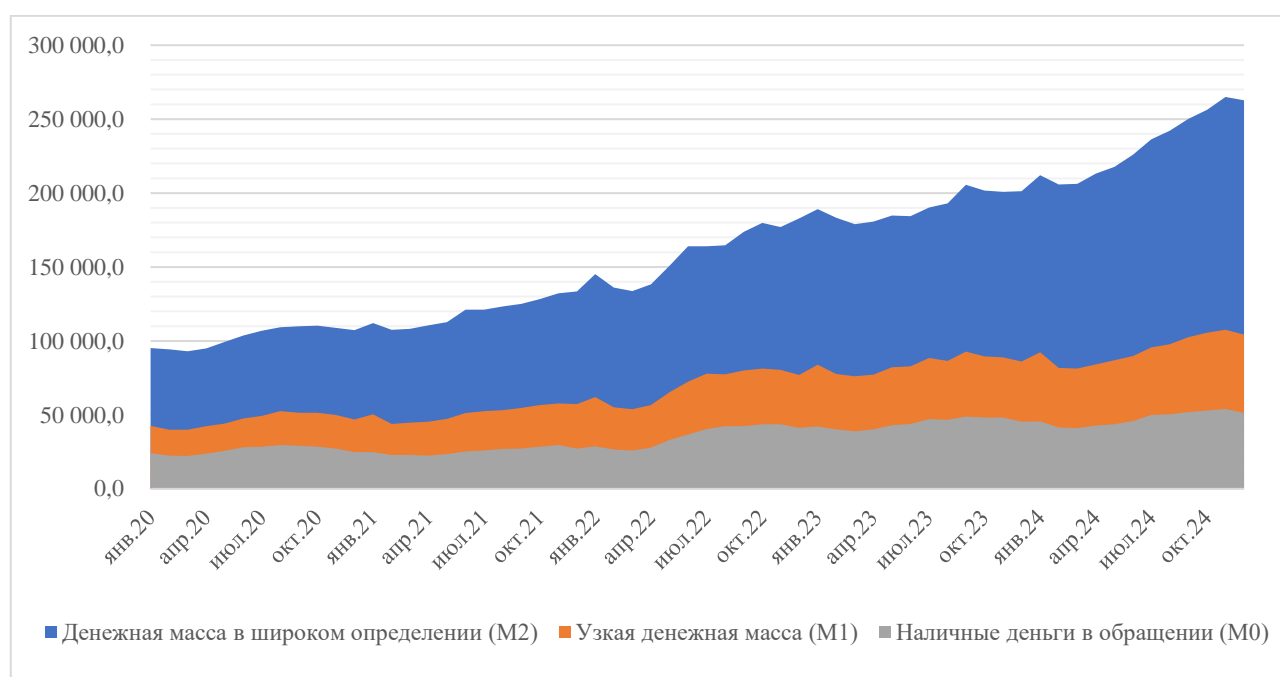

Рисунок 3. Динамика денежных агрегатов денежной массы в Узбекистане за период с 2020-2024гг.

Источник: составлено автором по данным Статистического бюллетеня ЦБ Руз.

Денежная масса в узком определении (M1), включающая наличные средства и депозиты до востребования, также демонстрирует значительный рост. С 42,7 трлн сум в январе 2020 года до 104,4 трлн сум в декабре 2024 года, или почти в 2,44 раза. Наличные деньги в обращении (M0) за период с января 2020 года по декабрь 2024 года выросли с 24,2 трлн сум до 51,4 трлн сум, увеличившись более чем в 2,1 раза.

Рост всех компонентов денежной массы в Узбекистане в 2020–2024 гг. указывает на расширение денежного предложения в экономике. При этом структура денежной массы смещена в сторону высоколиквидных средств (M1 и M0), что может усиливать инфляционные процессы. Данный факт, в условиях высокого уровня самозанятости и существенной доли теневой экономики, предполагает, что значительная часть денежного оборота обслуживает операции вне официального сектора. Это, в свою очередь, затрудняет проведение эффективной денежно-кредитной политики и контроля за инфляцией.

Стоит отметить, что выделяют прямые и косвенные методы оценки масштабов теневой экономики. К прямым относятся различного рода обследования домохозяйств и др., а также результаты налогового аудита. К косвенным принято относить балансовые методы (основаны на сопоставлении ряда взаимосвязанных показателей – доходов и расходов, произведенным и потребленным доходом); метод товарных потоков; анализ рынка труда (оценка разницы между официальным уровнем занятости и уровнем занятости, рассчитанным альтернативными методами); монетарные методы (оценка наличных денег в обороте); и более современные методы – это досчет по экспорту; досчет по потреблению электроэнергии и др (Авдийский и др., 2019).

В целях углублённого анализа влияния теневой экономики на макроэкономические индикаторы была проведена сравнительная оценка размеров теневого сектора (в % к ВВП) и дефлятора ВВП (в %) в 20 странах с переходной экономикой за период 2000–2005 гг. (см. табл.3).

Таблица 3.

Доля теневой экономики и значение дефлятора ВВП в странах с переходной экономикой

№	Страна	2000		2001		2002		2003		2004		2005	
		ТЭ, % к ВВП П	Дефл я-тор ВВП, %	ТЭ, % к ВВП П	Дефл я-тор ВВП, %	ТЭ, % к ВВП П	Дефл я-тор ВВП, %	ТЭ, % к ВВП П	Дефл я-тор ВВП, %	ТЭ, % к ВВП П	Дефл я-тор ВВП, %	ТЭ, % к ВВП П	Дефл я-тор ВВП, %
1.	Словакия	18.9	9.7	18.8	5.4	18.6	4.0	18.3	5.4	18.1	5.9	17.6	2.6
2.	Венгрия	25.1	9.6	24.8	11.0	24.5	8.1	24.4	5.4	24.1	5.1	24.0	2.6
3.	Словения	27.1	5.5	26.7	8.7	26.4	7.6	26.1	5.7	26.2	3.4	25.8	1.5
4.	Польша	27.6	6.1	27.7	3.2	27.7	1.8	27.5	0.8	27.3	4.9	26.9	2.6
5.	Латвия	30.5	3.8	30.1	2.6	30.2	3.3	29.8	3.6	29.4	6.9	29.0	10.4
6.	Эстония	32.7	3.7	32.4	6.8	32.0	4.8	31.4	3.9	31.1	4.7	30.5	5.9
7.	Турция	32.1	49.4	32.8	53.0	32.4	37.6	31.8	23.3	31.0	12.4	30.0	7.1
8.	Литва	33.7	1.3	33.3	-0.3	32.8	0.3	32.0	-0.8	31.0	3.1	30.4	6.4
9.	Хорватия	33.4	4.4	33.2	4.2	32.6	3.8	32.1	4.3	31.7	3.6	31.3	3.1
10.	Румыния	34.4	43.2	33.7	38.0	33.5	22.7	32.8	23.2	32.0	15.5	31.7	12.0
11.	Албания	35.3	5.6	35.0	3.8	34.8	3.6	34.2	5.2	33.4	3.2	32.7	3.3
12.	Болгария	36.9	7.4	36.6	6.1	36.1	3.8	35.6	2.2	34.9	5.6	34.1	6.6
13.	Македония	38.2	8.2	39.1	4.7	38.9	0.9	38.4	1.7	37.4	-0.7	36.9	4.9
14.	Киргизия	41.2	27.2	40.8	7.3	41.4	2.0	40.5	4.0	39.8	5.1	40.1	7.1
15.	Казахстан	42.1	17.4	41.7	10.2	42.0	5.8	41.2	11.7	40.9	16.1	39.8	17.9
16.	Таджикистан	43.2	22.6	42.9	30.9	42.7	18.8	42.1	27.1	41.7	17.4	41.0	9.5
17.	Россия	46.1	37.7	45.3	16.5	44.5	15.7	43.6	13.7	43.0	20.3	42.4	19.3
18.	Молдова	45.1	27.3	44.4	12.1	44.1	9.8	44.0	14.9	43.4	8.0	43.1	9.3
19.	Украина	51.4	27.5	50.8	10.2	50.1	5.3	49.7	8.2	48.8	15.3	48.0	24.1
20.	Грузия	67.3	4.7	67.2	5.4	65.9	5.9	65.1	3.4	63.5	8.4	62.1	7.9

Источник: составлено авторами по данным: Schneider et al. (2011)

Во всех рассматриваемых странах теневая экономика занимает значительную долю в ВВП. При этом наблюдаются существенные различия: от 17–27% в странах Центральной Европы (Словакия, Словения, Венгрия, Польша) до более 60% в странах Южного Кавказа (например, Грузия), а также выше 40% в странах Центральной Азии (Казахстан, Таджикистан, Киргизия), в России, Украине и Молдове. Статистические данные по Узбекистану отсутствуют.

Данные таблицы позволяют выделить ряд стран с одновременно высоким уровнем теневой экономики и значительными значениями дефлятора ВВП, особенно в

начале рассматриваемого периода: Россия: в 2001 году дефлятор составил 45,3% при ТЭ — 46,1%; Турция: в 2001 году — дефлятор 53%, ТЭ — 33,8%; Казахстан и Таджикистан демонстрируют аналогичные тенденции. В то же время, в странах Центральной Европы (Словакия, Словения, Польша), где уровень ТЭ существенно ниже, дефляторы ВВП остаются на стабильно низком уровне (3–7%).

Эти данные подтверждают гипотезу о наличии положительной корреляции между масштабами теневой экономики и инфляционными процессами, а значит существует потенциальная взаимосвязь между масштабами теневой экономики и инфляцией, что проявляется в росте дефлятора ВВП в странах с высоким уровнем неформальной деятельности.

Для оценки возможных масштабов теневой экономики в Республике Узбекистан нами были проанализированы показатели, приведенные в таблице 4 за период с 2017-2023 гг.

Таблица 4
Динамика показателей доходов и расходов населения за 2017-2023гг.

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Объем совокупного дохода населения, млрд.сум	249346,3	313655,2	381387,9	431182,4	538450,7	654993,3	756084,2
Темпы роста совокупного дохода населения, %	126,0	125,8	121,6	113,1	124,9	121,6	115,4
Расходы на конечное потребление домашних хозяйств (в текущих ценах), млрд.сум	247326,1	314613,1	383788,2	426097,1	536482,0	677753,6	816493,0
Темпы роста расходов на конечное потребление домохозяйств, % *	147,9	127,2	122,0	111,0	125,9	126,3	120,5
Расхождение между официальным доходом и потреблением, млрд.сум *	+2020,2	- 957,9	-2400,3	+5085,3	+1968,7	-22760,3	-60408,8

Источник: составлено авторами по официальным данным Национального комитета Республики Узбекистан по статистике (stat.uz) * расчеты автора.

Расходы домашних хозяйств на конечное потребление и объем совокупного дохода населения – оба макроэкономических показателя демонстрируют устойчивый рост в номинальном выражении. Так, расходы на конечное потребление домашних хозяйств выросли с 247,3 трлн.сум в 2017 году до 816,5 трлн.сум в 2023 году, что означает рост на 230%, объем совокупного дохода населения – с 249,3 трлн.сум до 756,1 трлн.сум, что показывает рост на 203,2%. При этом темпы роста совокупного дохода населения варьировались от 113,1% в 2020 году до 126,0% в 2017 году, в отличие от показателей темпа роста расходов домохозяйств, диапазон вариации которых намного шире и значительней – от 111,0% в 2020 году до 147,9 % в 2017 году. Скачок показателей в 2017 году объясняется тем, что именно с данного года в Узбекистане началось проведение ряда широкомасштабных реформ, начиная с либерализации валютного рынка, проведения активной инвестиционной политики и др. (Указ, 2017) И резкое падение показателей в 2020 году свидетельствует о перенесенном экономическом шоке впоследствии коронавирусной пандемии.

Особое внимание мы хотели бы заострить на расхождении между официальным доходом и потреблением домохозяйств (см. рис.4).

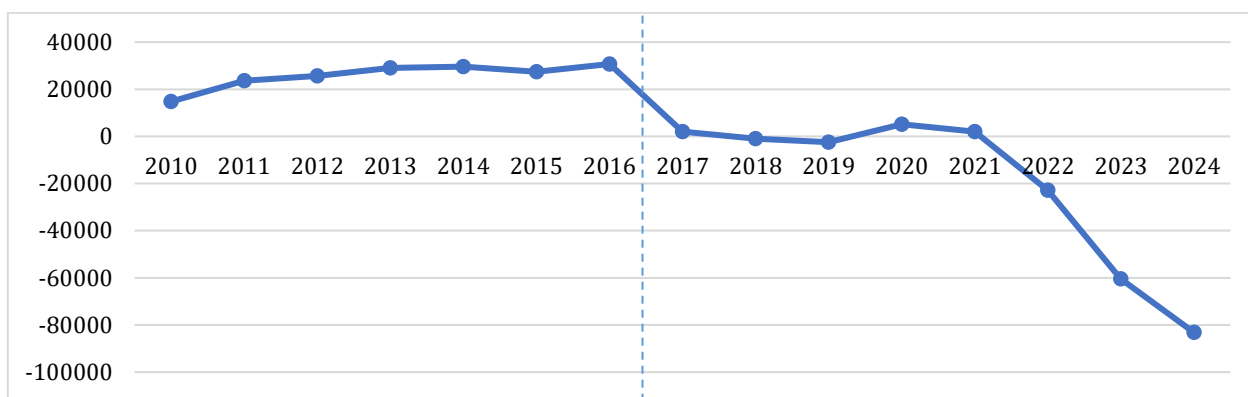

Рисунок 4. Расхождение между совокупным доходом населения и расходами на конечное потребление домохозяйств, млрд.сум

Источник: расчеты автора по официальным данным Национального комитета Республики Узбекистан по статистике (stat.uz)

Очевидно, что за период с 2010 по 2024 гг. наблюдается два тренда: первый – положительная динамика расхождения между доходами и расходов, второй – с 2017 года отрицательная динамика, причем с 2022года наблюдается резко дефицитная динамика – от -22,7 трлн.сум до -83,2 трлн.сум в 2024 году.

Поведение экономических агентов за период 2010-2016гг. можно оценить как умеренное потребление и как аккумулирование сбережений. Однако стоит не забывать, что часть “теневых” расходов могло быть просто учтено официальной статистикой. Превышение расходов над доходами в 2017-2024гг. может объясняться рядом причин, среди которых:

1. Высокие инфляционные ожидания, которые подталкивают население на увеличение потребления, в особенности товаров длительного пользования. Этим и объясняется рост розничной торговли, особенно после 2021 года (см. рис. 5);

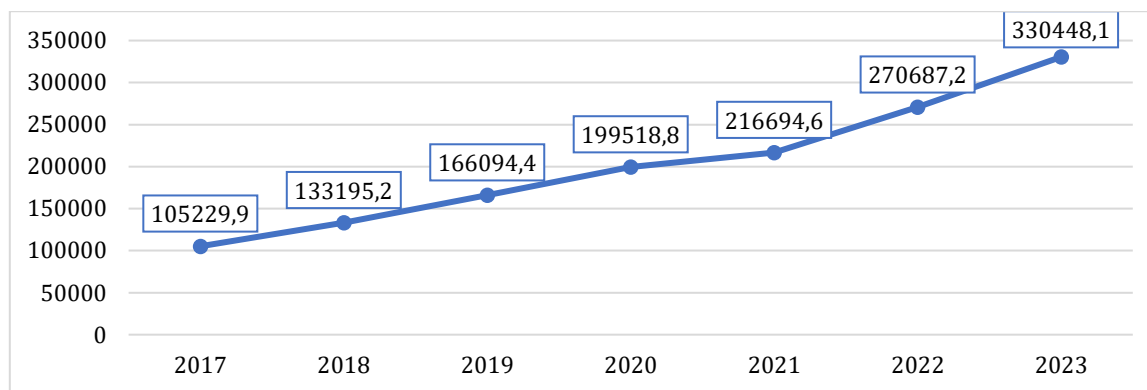

Рисунок 5. Динамика объема розничной торговли за период 2017-2023гг, млрд.сум

Источник: составлено авторами по официальным данным Национального комитета Республики Узбекистан по статистике (stat.uz)

2. Рост теневых доходов, которые не регистрируются органами статистики. Неформальные доходы могут поступать от незарегистрированной самозанятости, бизнесов без регитсрации, в частности в сферах транспорта, торговли, сельского хозяйства и строительства.

3. Рост потребления за счет кредитов. Данные таблицы 5 позволяют сделать вывод, что объем выделяемых кредитов населению растет из года в год. Если в 2020 году общая сумма кредитов составила 28, 5 трлн.сум, то к 2024 году данный показатель

составил уже 104,7 трлн.сум, что показывает рост в 3,7 раз. Отметим, что в 2020 году больше всего было выделено ипотечных кредитов (32% от общего объема), но к 2024 году данный показатель значительно уступил объему микрозаймов (43,8% от общего объема) и потребительских кредитов (17,7% от общего объема), составив 16,3%. Устойчивый, временами резкий рост наблюдается в объемах выделяемых потребительских кредитов и микрозаймов. Объему выделенных микрокредитов также характерен стабильный рост. Наибольший темп прироста значений 2020 года к 2024 году из всех видов кредитов наблюдается у микрозаймов (685,4%), далее – микрокредиты (373,8%), потребительские кредиты (144,8%), ипотечные кредиты (87,4%). Отрицательный темп прироста в размере -9,9% наблюдается в объемах выделенных овердрафтов.

Таблица 5.

Кредиты в национальной валюте, выделенные населению за период 2020-2024гг (в млрд.сум)

Виды кредитов	2020	%	2021	%	2022	%	2023	%	2024	%	При- рост 2020г. к 2024г., %
Ипотечные кредиты	9 121,9	32,0	9 794,2	24,2	14 371,2	22,0	16 851,0	16,8	17 097,6	16,3	87,4
Потребительские кредиты	7 578,2	26,6	9 666,6	23,9	21 577,4	33,0	40 148,0	40,1	18 548,9	17,7	144,8
Микрозаймы	5 836,2	20,5	9 950,8	24,6	16 696,1	25,6	28 749,6	28,7	45 839,6	43,8	685,4
Микрокредиты	3 672,7	12,9	6 865,6	16,9	9 160,6	14,0	11 379,6	11,4	17 400,4	16,6	373,8
Овердрафт	1 309,7	4,6	2 575,3	6,4	1 849,4	2,8	674,4	0,7	1 179,8	1,1	-9,9
Другие	947,9	3,3	1 668,4	4,1	1 633,7	2,5	2 432,2	2,4	4 608,6	4,4	386,2
ВСЕГО ВЫДЕЛЕНО КРЕДИТОВ	28 466,6	100	40 520,9	100	65 288,5	100	100 234,8	100	104 675,0	100	267,7

Источник: данные статистического бюллетеня Центрального банка 2024г.

4. Денежные переводы из-за рубежа, которые не отражаются статистическими органами как “доход”, вследствие чего возратают лишь расходы в одностороннем порядке.

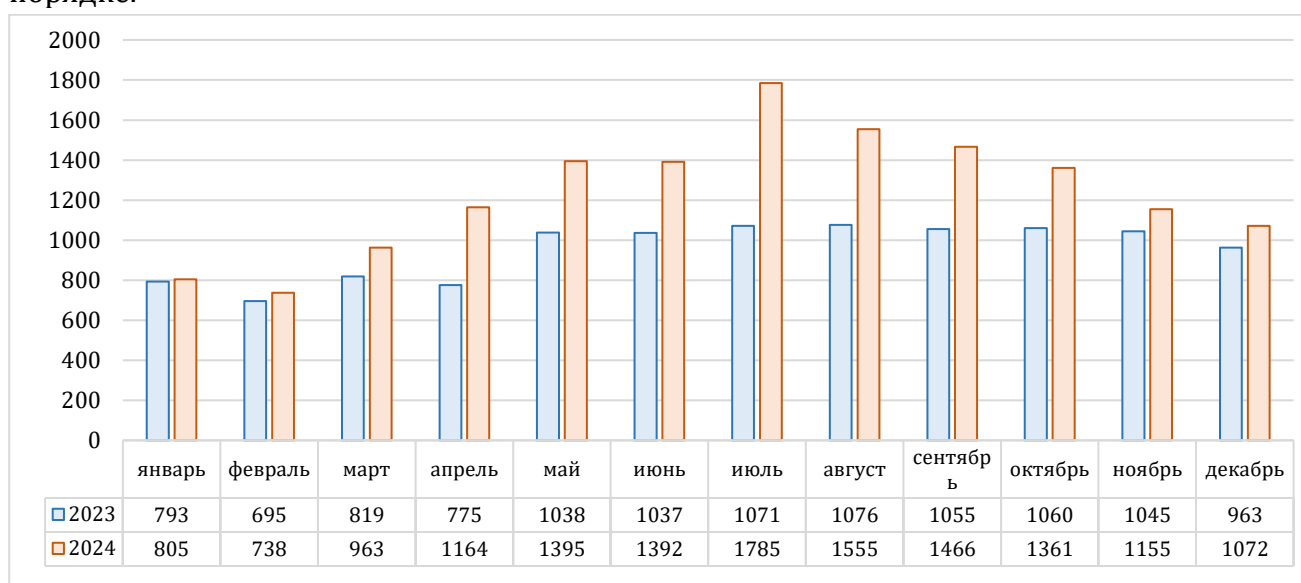

Рисунок 5. Динамика поступлений денежных переводов в 2023-2024 гг., млн. долл. США

Источник: составлено по официальным данным Центрального банка Республики

Узбекистан.

На наш взгляд, денежные переводы мигрантов тоже являются не менее важным инфляционным фактором. Это объясняется тем, что денежная масса в обороте увеличивается, при этом товарная масса остаётся неизменной. Вследствии данного дисбаланса происходит повышение общего уровня цен в стране. По данным Центрального банка Республики Узбекистан, денежные поступления от мигрантов в 2024 году составили 14 851 млн.долл.США, превысив на 30% показатель 2023 года – 11 427 млн.долл.США (см. рис.6).

Выводы и предложения.

Результаты проведённого анализа свидетельствуют о том, что высокая доля теневого сектора в структуре национальной экономики Узбекистана остаётся существенным фактором инфляционного давления. Несмотря на снижение доли неформального и теневого сектора в ВВП, их абсолютные масштабы продолжают расти, что свидетельствует о двойственной природе экономических процессов: с одной стороны — формализация бизнеса, с другой — сохранение стимулов для ухода в тень.

Особенно примечателен факт, что активный рост теневой экономики после 2022 года совпадает с ростом инфляционных процессов и увеличением потребительских расходов, что позволяет предположить наличие значимой взаимосвязи между масштабом теневой экономики и инфляционным давлением в стране.

Более того, на протяжении 2020–2024 гг. наблюдается улучшение институциональной среды (снижение коррупции, рост ВВП на душу населения, снижение безработицы и налогового бремени). Однако данные по объёму теневой экономики демонстрируют устойчивый рост в абсолютном выражении. Таким образом, теневой сектор остаётся значимым элементом экономики Узбекистана, формирующим скрытое давление на инфляционные процессы.

В этой связи представляется целесообразным реализация комплекса мероприятий, направленных на:

1) совершенствование денежно-кредитной политики с учётом влияния теневой экономики, а именно:

- в условиях значительного оборота наличных денежных средств вне банковского сектора (динамика M0 подтверждает устойчивый рост), представляется необходимым поэтапный переход к стимулированию безналичных расчётов;

- открытость Центрального банка к «диалогу» с народом в виде регулярного информирования общественности о целях и инструментах денежно-кредитной политики, прогнозах инфляции и перспективах макроэкономического развития позволит снизить инфляционные ожидания населения и субъектов предпринимательства.

2) совершенствование фискальной политики:

- ужесточить контроль за секторами экономики, характеризующимися высокой долей неформальной занятости, одновременно предлагая механизмы добровольной легализации с минимальными фискальными издержками для субъектов;

- продолжить политику по снижению налогового бремени, но усилить эффективность налогового администрирования, особенно для сектора услуг и самозанятых.

3) проведение институциональных реформ, а именно:

- повышение транспарентности деятельности государственных органов, цифровизация административных процедур и усиление ответственности за коррупционные правонарушения являются ключевыми мерами по снижению уровня коррупции;

– обеспечить высокую степень прозрачности государственных расходов, с акцентом на инвестиции в инфраструктуру, развитие производственных мощностей и поддержку социальной сферы, что будет способствовать формированию стабильных инфляционных ожиданий.

Таким образом, комплексное применение указанных рекомендаций, на наш взгляд, позволит сдерживать инфляционные процессы в условиях сохраняющейся значительной доли теневого сектора в экономике. При этом параллельное снижение масштабов теневой экономики за счёт стимулирования легализации деятельности и улучшения институциональной среды будет способствовать расширению налоговой базы, увеличению прозрачности экономических процессов, а также созданию благоприятных условий для развития конкурентных рынков.

Литература/References:

- Deniz, P., Tekce, M. & Yilmaz, A. (2016) 'Investigating the determinants of inflation: A panel data analysis', *International Journal of Financial Research*, 7(2), pp. 233-246.
- Friedman, M. (2008) 'Quantity Theory of Money'. In: *The New Palgrave Dictionary of Economics*. Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1057/978-1-349-95121-5_1640-2
- Kinlaw, W., et al. (2023) 'The determinants of inflation', *Journal of Investment Management*, 21(3), pp. 29-41.
- Mohanty, D. & John, J. (2015) 'Determinants of inflation in India', *Journal of Asian Economics*, 36, pp. 86-96.
- Schneider, F. (2017) 'Estimating a Shadow Economy: Results, Methods, Problems, and Open Questions', *Open Economics*, 1, pp. 1–29. De Gruyter Open.
- Schneider, F., Buehn, A. & Montenegro, C.E. (2011) 'Shadow economies all over the world: New estimates for 162 countries from 1999 to 2007', in *Handbook on the Shadow Economy*. Edward Elgar Publishing.
- Transparency International (n.d.) Uzbekistan country profile. Available at: <https://www.transparency.org/en/countries/uzbekistan>.
- World Bank (n.d.) DataBank. Available at: <https://data.worldbank.org/>.
- Ybrayev, Z., Shamar, B. & Mamatova, K. (2024) 'Domestic inflation decomposition in a small open economy: Evidence from import price dynamics in Kazakhstan', *Central Bank Review*, 24(4), 100179.
- Авдийский, В.И., Дадалко, В.А. & Синявский, Н.Г. (2019) *Теневая экономика и экономическая безопасность государства*. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 538 с. (Высшее образование: Бакалавриат). Available at: <www.dx.doi.org/10.12737/24758>.
- Матвеева, Т.Ю. (2017) *Макроэкономика: учебник для вузов: в 2 ч.* Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, Ч. II, 476 с. ISBN 978-5-7598-1718-5.
- Методические положения (2024) по статистической оценке ненаблюдаемой экономики №114 от 27 мая 2024 г. Available at: <https://lib.stat.uz/ru/features-3/natsionalnye-scheta/843-kuzatilmaydigan-iqtisodiyotni-statistik-baholash-bo-yicha-uslubiy-nizom-2>.
- Указ (2017) Президента Республики Узбекистан № УП-4947 от 07.02.2017 г. О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан.
- Указ (2022) Президента Республики Узбекистан № УП-60 от 28.01.2022 г. О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022-2026 годы.
- Указ (2023) Президента Республики Узбекистан № УП-158 от 11.09.2023 г. О Стратегии «Узбекистан – 2030».
- Усманов, А. & Абдулазизова, Ў. (2022) 'Причинно-следственные связи некоторых макроэкономических показателей', *Iqtisodiyot va ta'lim*, 23(6), pp. 17-22.